

АФГАНСКИЕ ДИАСПОРЫ: КЛАСТЕР КОНФЛИКТУЮЩИХ КОНФИГУРАЦИЙ

БЕЗРОДНАЯ Валерия Сергеевна

магистр востоковедения, преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

E-mail: bezrodnaya.valeria@gmail.com

ORCID: 0009-0008-7713-7298

Для цитирования: *Безродная В.С.* Афганские диаспоры: кластер конфликтующих конфигураций // Ближний и Постсоветский Восток. – 2026. – № 1 (13). – С. 120–142. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.01.08.

Аннотация. В статье рассматриваются афганские сообщества за пределами Афганистана как глубоко неоднородные и фрагментированные группы мигрантов. Основными источниками для исследования являются интервью с выходцами из Афганистана, проведенные в 2023 г. в России и 2025 г. в Италии, Германии и Австрии (всего – 37). Для анализа также привлекаются результаты аналогичных исследований европейских и афганских авторов в Австрии, Швейцарии, Великобритании, Нидерландах, Дании, Финляндии и Австралии. Оптикой для анализа служит предложенная немецкой исследовательницей Каролин Фишер (Carolin Fischer) формулировка «кластер конфигураций» (a cluster of configurations), которая позволяет увидеть данное сообщество соотечественников как разделенное по этническим, политическим, идеологическим и другим линиям, порой объединенное гражданством лишь формально. Статья демонстрирует, что в то время как внутриафганские противоречия времен Холодной войны и традиционные конфессиональные различия не играют существенной роли в жизни диаспоры, этническая принадлежность и позиция в отношении радикального ислама становятся причиной высокой степени эндогамии и конфликтности в диаспоре. В связи с этим ставится вопрос о целесообразности использования термина «афганская диаспора» как такового в отношении совокупности конфликтующих групп переселенцев из Афганистана.

Ключевые слова: Афганистан, миграция, диаспора, этнополитические конфликты, афганские беженцы, афганская диаспора, транспортировка конфликта, воображаемые сообщества.

Afghan Diasporas: Cluster of Conflicting Configurations

Valeriia S. BEZRODNAIA

Master of Oriental Studies, Lecturer, National Research University
“Higher School of Economics”

E-mail: bezrodnaya.valeria@gmail.com

ORCID: 0009-0008-7713-7298

For citation: Bezrodnaia V.S. (2026). Afghan Diasporas: Cluster of Conflicting Configurations. *Middle & Post-Soviet East*, no. 1 (13), pp. 120–142. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.01.08.

Abstract. This article examines Afghan communities outside of Afghanistan as deeply heterogeneous and fragmented groups of migrants. The primary sources for the study are interviews with Afghan immigrants conducted in 2023 in Russia and 2025 in Italy, Germany, and Austria (a total of 37). The analysis also draws on the results of similar studies conducted by European and Afghan researchers in Austria, Switzerland, the United Kingdom, the Netherlands, Denmark, Finland, and Australia. The analytical lens is the term “a cluster of configurations” proposed by German researcher Carolin Fischer, which allows us to see this community of compatriots as divided along ethnic, political, ideological, and other lines, sometimes united only formally by citizenship. The article demonstrates that while intra-Afghan Cold War-era contradictions and traditional religious differences play a minor role in the life of the diaspora, ethnicity and stances on radical Islam are the cause of a high degree of endogamy and conflict within the diaspora. This raises the question of the appropriateness of using the term “Afghan diaspora” as such to refer to the aggregate of conflicting groups of migrants from Afghanistan.

Keywords: Afghanistan, migration, diaspora, ethno-political conflicts, Afghan refugees, Afghan diaspora, transportation of conflict, imagined communities.

На 2024 г. за пределами родной страны проживало более 6,4 млн афганских беженцев¹, из которых 90% приходится на соседние Иран и Пакистан². Большинство прибывающих в Европу мигрантов из Афганистана следуют также из этих двух государств. На Европейский же континент, включая Россию, приходится приблизительно 800 тыс. афганских граждан и их детей с разным миграционным статусом. Еще несколько сотен тысяч

¹ В 2025 г. Иран и Пакистан проводили политику массовой депортации мигрантов, в результате чего более 2,7 млн были возвращены в Афганистан. См.: Post-Return Monitoring Survey Report. UNHCR Afghanistan. December 2025 // United Nations High Commissioner for Refugees. – 2025. – URL: <https://data.unhcr.org/en/documents/details/112147> (дата обращения: 02.01.2026).

² Safi A.A., Czaika M. The Transnational Engagement of Afghan Diaspora Organizations: Drivers of Diaspora Specialization // *Global Networks*. – 2025. – Vol. 25, № 1. – P. 1–17. – DOI: 10.1111/glob.12484.

проживает в США, Канаде, Австралии^{3, 4}. Таким образом, афганские беженцы являются одной из двух наиболее многочисленных групп беженцев наряду с сирийскими.

Однако миграция из Афганистана имеет более длительную историю и берет свое начало в 1970-х годах, после чего поток переселенцев из Афганистана практически не прерывался. Миграцию из Афганистана за последние три десятилетия можно описать как последовательность волн, вызванных политическими событиями, и одновременно как постоянный исход, обусловленный стихийными бедствиями, безработицей, отсутствием прав и возможностей, голодом и т.д. Большинство респондентов исследования называют отсутствие безопасности основной причиной эмиграции независимо от года отъезда. Учитывая эту выдающуюся непрерывность исходящей миграции и фрагментированный характер афганского общества в целом, афганская диаспора никогда не формировала сплоченное или однородное сообщество. Миграция носила кумулятивный характер: новые группы мигрантов накладывались на уже существующие, образуя страты и усложняя динамику внутри диаспоры. Представляется, что при высокой степени изученности этнического и иного разнообразия в самом Афганистане, существующие исследования склонны тем не менее гомогенизировать афганскую диаспору, игнорируя тем самым важные внутригрупповые процессы и проблемы.

Социальная и физическая фрагментация распространены во многих диаспорах. Она предполагает высокий уровень эндогамии, проживание в отдельных районах и даже городах и, как правило, избегание социальных контактов с людьми, принадлежащими к «другой» диаспорной группе⁵. Как отмечают Элиз Ферон и Бахар Басер, большинство людей, бегущих от конфликта в своей стране, обычно хотят дистанцироваться от насилия⁶. Однако некоторые могут непреднамеренно перенести конфликт с собой и воспроизвести его в стране проживания, особенно когда члены противоборствующих групп в стране происхождения мигрируют в те же места.

³ Safi A.A., Czaika M. The Transnational Engagement of Afghan Diaspora Organizations: Drivers of Diaspora Specialization // *Global Networks*. – 2025. – Vol. 25, № 1. – P. 1–17. – DOI: 10.1111/glob.12484.

⁴ Точные данные по России отсутствуют, однако принято приводить цифры до 150 тыс. человек. См.: Князев А.А., Гулам Н.Я. Политические контексты афганской эмиграции // *Международная аналитика* – 2025. – Т. 16, № 2. – С. 98–117. – DOI: 10.46272/2587-8476-2025-16-2-98-117.

⁵ Féron É. Transporting and Re-Inventing Conflicts: Conflict-Generated Diasporas and Conflict Autonomisation // *Cooperation and Conflict*. – 2016. – Vol. 52, № 3. – P. 360–376. – DOI: 10.1177/0010836716678050.

⁶ Féron É., Baser B. Diasporas and Transportation of Homeland Conflicts: Inter-group Dynamics and Host-Country Responses // *Ethnopolitics*. – 2023. – Vol. 22, № 4. – P. 375–383. – DOI: 10.1080/17449057.2023.2241231.

В случае Афганистана эта фрагментация особенно выражена: при некотором упрощении в среде афганских мигрантов можно выделить несколько антагонизмов: бывшие функционеры НДПА и моджахеды (а также их соответственные сторонники, члены семьи и потомки); пуштуны и этнические меньшинства; шииты и сунниты; сторонники радикальных течений ислама, включая сторонников движения Талибан, и люди умеренных или светских взглядов; выходцы из привилегированных городских слоев и беднейшие слои. Разница поколений (афганская диаспора включает уже три поколения мигрантов) и дифференциация по году и причине эмиграции также антагонизируют население.

Понимание динамики внутридиаспорных конфликтов имеет решающее значение для принимающих обществ, особенно в контекстах, где диаспорные сообщества многочисленны, политически активны и/или воспринимаются как потенциальные источники нестабильности. Это, в свою очередь, имеет значение для понимания их социальных практик, форм самоорганизации и взаимодействия с институтами принимающего общества. В свете обсуждавшихся на конец 2025 г. мер по привлечению афганских мигрантов для труда в сельскохозяйственном секторе России⁷, проблематизация внутриафганских отношений представляется особенно актуальной.

Случай афганской диаспоры иллюстрирует, как затяжные конфликты продолжают развиваться и адаптироваться на транснациональном уровне, тем самым усложняя традиционные представления о миростроительстве и разрешении конфликтов. Помимо этого, анализируя, как участники диаспоры интерпретируют афганское прошлое, настоящее и потенциальное будущее, статья проливает свет на политическую и символическую силу нарративов в формировании границ и разделений групп.

Эмпирическую основу исследования составляют два этапа полевой работы. Первый этап был проведен в России в марте – мае 2023 г. в Санкт-Петербурге и включал 18 углубленных полуструктурированных интервью продолжительностью от одного до двух часов, а также анкетирование 31 респондента с использованием онлайн-форм. Интервью, как правило, проводились очно; место встречи определялось самими участниками и включало общественные пространства, офисы диаспорных ассоциаций и частные дома. Основным языком интервью был русский, при необходимости использовался персидский (дари). Анкета содержала как закрытые, так и открытые вопросы, касающиеся социально-демографических характеристик, миграционной истории, повседневных практик, опыта дискриминации и планов на будущее.

⁷ Афганистан предложил России привлекать трудовых мигрантов // РИА Новости. – 28.11.2025. – URL: <https://ria.ru/20251128/afghanistan-2058234344.html> (дата обращения: 02.01.2026).

Второй этап полевой работы был осуществлен в августе-сентябре 2025 г. в ряде государств Европейского союза (Италия, Австрия, Германия) и включал 19 интервью и содержательных бесед. Исследование проводилось преимущественно методом полуструктурированных интервью и включенного наблюдения. Контакты устанавливались через диаспорные сети, общественные пространства (кафе, магазины, рынки), а также в ходе частных визитов. Основным языком общения был персидский (дари), эпизодически использовались итальянский и пушту.

В ходе интервью респонденты рассказывали о своей миграционной траектории, внутридиаспорных отношениях, этнических и политических разногласиях, роли религии, символах, культурных практиках и формах коллективной мобилизации. Особое внимание уделялось воспроизводству конфликтов страны происхождения в условиях диаспоры.

Всего в четырех странах было проведено 37 интервью. Отбор информантов носил ненаправленный характер; Применялся метод «снежного кома». Пуштуны и хазарейцы представлены примерно поровну, в то время как таджики составили половину от всех участников. Узбеки и кызылбаши представлены по одному человеку. Лишь одна четвертая участников исследования – женщины. Год рождения респондентов варьируется от 1956 до 1999 г.

Несмотря на неизбежные ограничения, связанные с закрытостью мигрантских сообществ и ограниченными временными ресурсами, сочетание интервью, наблюдения и последующих уточняющих контактов с информантами позволяет считать полученные данные надежными и аналитически значимыми.

Для анализа также привлекаются результаты аналогичных исследований зарубежных, включая европейских, и афганских авторов в Австрии, Швейцарии, Великобритании, Нидерландах, Дании, Финляндии и Австралии. Хотя суммарное афганское население перечисленных стран составляет приблизительно одну шестую от всей диаспоры, полученные данные представляются достаточными для выводов об афганских общинах за пределами Афганистана в целом.

«Кластер конфигураций» и транспортиция конфликта

Оптикой для анализа служит предложенная немецкой исследовательницей Каролин Фишер формулировка «кластер конфигураций» (a cluster of configurations)⁸, которая позволяет увидеть данное сообщество соотечественников как разделенное по этническим, политическим, классовым и другим линиям, порой объединенное гражданством лишь

⁸ Fischer C. Imagined Communities? Relations of Social Identities and Social Organisation among Afghan Diaspora Groups in Germany and the UK // Journal of Intercultural Studies. – 2017. – Vol. 38, № 1. – P. 18–35. – DOI: 10.1080/07256868.2017.1289901.

формально. Под конфигурацией подразумевается многоуровневая социальная идентичность каждого члена диаспоры: гражданство, происхождение, конфессия, социальный класс, политическая ориентация и пр. В зависимости от условий, в тот или иной момент может быть мобилизована и проблематизирована одна из идентичностей или их конфигурация.

Ключевой теоретической концепцией этой статьи является понятие транспортиации, т.е. переноса конфликта. Данный термин, по-видимому, впервые был сформулирован французской исследовательницей Э. Ферон на основе теоретических разработок исследовательницы из Нидерландов, Йолле Деммерс, о «детерриториализации» и «делокализации» конфликтов, подразумевающих, что после миграции диаспоры «переживают свои конфликты через Интернет, электронную почту, телевидение и телефон без прямых (физических) страданий, рисков или ответственности»⁹.

Афганский конфликт начался как идеологический конфликт между исламскими и левыми политическими группами, которые использовались сверхдержавами в период Холодной войны. Он принял свою насильственную форму с Саурской революцией 1978 г., за которой последовало советское вторжение в 1979 г. Во время гражданской войны, продолжавшейся до середины 1990-х годов, конфликт был переосмыслен по этническому признаку, а позже, во время первого правления движения Талибан, получил религиозно-идеологическое измерение. Уже «заключенная в оболочку, подобно луковице»¹⁰, изношенная и разорванная, ткань афганского общества была обречена на очередную трагическую точку бифуркации с повторным приходом группировки Талибан к власти в 2021 г.

По мнению Э. Ферон, транспортировка конфликтов происходит на трех основных уровнях: символическом, социальном и физическом. Первый уровень понимается как дискурсивные практики, включающие вербальное и символическое насилие. Символы демонстрируются во время публичных мероприятий, таких как демонстрации и памятные события, в публикациях, ориентированных на местное сообщество, в средствах массовой информации и т.д. Эта символическая / дискурсивная передача конфликта редко перерастает в физическое насилие, но способствует поддержанию антагонизма, привезенного из родной страны в процессе миграции.

Второй уровень передачи конфликта – социальный, выражающийся в высоком уровне эндогамии, пространственной сегрегации и общем отсутствии социальных контактов между враждующими группами. Культурные мероприятия, такие как праздничные торжества, часто служат демонстрацией такой сегрегации. Как выразился Гайер, конфликты также

⁹ Demmers J. *Diaspora and Conflict: Locality, Long-Distance Nationalism, and Delocalisation of Conflict Dynamics* // Javnost – The Public. – 2002. – Vol. 9, № 1. – P. 85–96. – DOI: 10.1080/13183222.2002.11008795.

¹⁰ Najibullah H. *Fractured Bonds, Dithering Identities: Afghan-Swiss Diaspora Conflict Narratives* // *Diaspora Studies*. – 2022. – Vol. 24. – P. 163–180. – DOI: 10.5167/uzh-238154.

могут передаваться на культурном уровне благодаря поддержанию культурных, языковых или религиозных практик, которые могут вызывать разногласия, или посредством организации политических и культурных мероприятий, где «другие» нежелательны и где демонстрируются символы, вызывающие разногласия¹¹. Таким образом, такие проявления конфликта можно приравнять к ситуациям негативного мира¹², где совершение физического насилия относительно редко, но где структурное, культурное и символическое насилие повсеместно распространены.

Третий уровень включает физическое проявление, такое как насильственное нападение. Существует очень мало данных о наличии физического насилия в афганской диаспоре, которое могло бы воспроизвести конфликт на родине. Однако некоторые участники сообщили, что они были свидетелями или даже жертвами агрессивных действий сторонников Талибана во время антидискриминационных и антиталибанских демонстраций в Гамбурге и Вене. В связи с недостатком информации, эти случаи не рассматриваются в статье, однако сам факт их возникновения является симптоматическим и не должен игнорироваться.

Теория социальной идентичности (SIT) предполагает, что индивиды определяют свою идентичность по принадлежности к той или иной группе и категоризируют себя и других на внутренние и внешние группы, что приводит к фаворитизму по отношению к своей группе и потенциально к негативным стереотипам и дискриминации по отношению к внешним группам¹³. Данный процесс выявляется и в среде афганских сообществ за рубежом. В результате исследования было выявлено, что в процессе миграции некоторые из конфликтов потеряли былое значение, а некоторые лишь обострились. Иначе говоря, одни социальные идентичности постепенно растворялись по мере интеграции в принимающее сообщество, в то время как другие – напротив, укреплялись и даже радикализировались.

¹¹ Gayer L. The Volatility of the “Other”: Identity Formation and Social Interaction in Diasporic Environments // South Asia Multidisciplinary Academic Journal. – 2007. – Vol. 1. – DOI: 10.4000/samaj.36.

¹² Концепции «негативного» и «позитивного» мира были разработаны норвежским социологом и специалистом по конфликтологии Йозефом Галтунгом (1930–2024) в 1960-е годы. Концепция «негативного» мира предполагает полное отсутствие вооруженного конфликта (прекращение огня), а также опасений, что конфликт может возобновиться в любой момент. Концепция «позитивного» мира предполагает не только завершение вооруженного конфликта, но и реализацию общественно-политических и экономических программ развития, способных привести к искоренению неравенства и дискриминации отдельных групп. См.: Миротворчество: «негативный» и «позитивный» мир // Новый дипломатический словарь. – 29.11.2024. – URL: <http://diplomaticdictionary.com/dictionary> (дата обращения: 02.01.2026).

¹³ Tajfel H., Turner J.C. An integrative theory of intergroup conflict // The social psychology of intergroup relations / ed. by W.G. Austin, S. Worchel. – Monterey (CA): Brooks/Cole, 1979. – P. 33–47.

Это подтверждают и сами респонденты: «В настоящий момент внутри-афганская дискуссия – это дискуссия об идентичности (بحث هویتی /bahs-e hovviyati/)».

Символический (дискурсивный) уровень

Символический уровень переноса конфликта присутствует во всех исследованных афганских общинах, как в России, так и в странах ЕС, Великобритании и Австралии. Дискурс и самонаименования являются основными инструментами дистанцирования друг от друга, используемыми конфликтующими группами по этническим, политическим или иным признакам. Другие символы, имеющие значение для афганских общин, – это флаги и исторические личности, которых различные группы считают героями или предателями соответственно.

Приведенные ниже рассуждения восходят к многовековым социально-политическим процессам в Афганистане. Каждое название, символ, культурная отсылка заслуживают отдельного исследования для полного понимания их значения и смысла. Однако для краткости и на основе подхода социального конструктивизма я сосредоточусь на современных интерпретациях и значениях, которые члены диаспоры считают актуальными и правдивыми.

Прежде всего, сам термин «афганец» оспаривается членами диаспоры. Эмпирические данные, собранные как в России, так и в ЕС, показывают, что лица, принадлежащие к группам, отличным от пуштунов (в данном исследовании – таджики, узбеки, кызылбаши¹⁴ и особенно хазарейцы), предпочитают, чтобы их называли «афганистанцами», а не «афганцами». Это связано с многолетним и непримиримым обсуждением вопросов национального строительства в Афганистане. Хотя исторически слово «афганец» было этнонимом, описывающим только пуштунов, в течение последнего столетия, начиная с проповедей младоафганцев в лице Махмуда Тарзи (1865–1933)¹⁵ и заканчивая Конституцией 2004 г., предлагается относить это наименование ко всем гражданам Афганистана:

«Национальный суверенитет в Афганистане принадлежит нации, проявляющейся непосредственно и через ее избранных представителей. Нация Афганистана состоит из всех лиц, имеющих гражданство Афганистана. Нация Афганистана включает в себя пуштунов, таджиков,

¹⁴ По настоянию респондентки кызылбашского происхождения, уточняется, что эту группу не следует считать этнической. Согласно сведениям самих кызылбашей, их группа представляет собой собрание персоязычных племен, которые следуют шиитской ветви ислама и исторически составляли «профессиональную когорту», интегрированную в армии Надир-шаха Афшара (1736–1747) и позже в армии Ахмад-шаха Дуррани (1747–1773).

¹⁵ Князев А.А. Афганская идентичность: перспективы дефрагментации // Международная аналитика. – 2024. – Т. 15, № 1. – С. 210–218. – DOI: 10.46272/2587-8476-2024-15-1-210-218.

хазарейцев, узбеков, туркмен, белуджей, пашаи, нуристанцев, аймаков, арабов, киргизов, кызылбаши, гуджаров, брахуйцев и другие племена. Слово “афганец” относится ко всем гражданам Афганистана»¹⁶.

Однако для этнических меньшинств термин «афганистанец» представляется более точным применительно к нации Афганистана (ملت/mellat/), в то время как «афганец» по-прежнему ассоциируется с определенной этнической группой (قوميت/qawmiyyat/). Примечательно, что, как упомянуто в статье А.А. Князева, за пределами Афганистана при общении с принимающим обществом «...тот или иной выходец из Афганистана на вопрос о своем происхождении может назвать себя “афганцем”, отталкиваясь от своей страновой идентичности. <...> При нахождении вне своей страны работает именно гражданская самоидентификация»¹⁷. Однако, так как при проведении исследования для общения с респондентами использовался персидский язык, и погруженность автора в этнополитическую специфику Афганистана способствовала беседе «без обиняков», участники предпочитали использовать этническую самоидентификацию или зонтичный термин «афганистанец».

Респонденты демонстрируют различное отношение к ситуации, от бескомпромиссной поддержки до бескомпромиссного отвержения. Парадоксально, но пуштуны отвергают термин «афганистанец» как ненужный, неправильный и вредный для единой афганской нации. Цитата одного из респондентов-хазарейцев может помочь понять эту дискуссию: «На личном уровне меня не так уж волнует, называют ли меня афганцем или афганистанцем. Однако на уровне общины я предпочитаю второе название». Он продолжил, сказав, что «неправильно выделять один народ, при выборе названия для страны». Другой респондент высказался следующим образом: «Мне тоже не нравится название “афганистанец”, но это компромисс, которого нам удалось достичь до сих пор. “Афганец” – это племенное название, принадлежащее только пуштунам». Эти комментарии свидетельствуют о том, что спорное название символизирует полноправные претензии этнических меньшинств на их общую родину – Афганистан – и в то же время дает им возможность отличаться от пуштунов. Респонденты признаются, что устали от дискуссии, которая «никогда не приводит ни к какому результату». Другая респондентка признает, что «...возможно, дети наших детей смогут это преодолеть», учитывая, что ее собственные дети уже родились в Италии.

Как отмечают А.А. Князев и Н.Я. Гулам, «незавершенность этнополитической идентификации и консолидации афганского общества

¹⁶ Constitution of the Islamic Republic of Afghanistan // Consulate General of the Islamic Republic of Afghanistan. – 2004. – URL: <https://www.afghanconsulatemuc.de/constitution/> (дата обращения: 15.09.2025).

¹⁷ Князев А.А. Афганская идентичность: перспективы дефрагментации // Международная аналитика. – 2024. – Т. 15, № 1. – С. 210–218. – DOI: 10.46272/2587-8476-2024-15-1-210-218.

синхронизировалась с незаконченным транзитом от традиционной позднефеодальной к модернистской раннекапиталистической формации»¹⁸. Политические события 1970-х и 1980-х годов, а также начала 2000-х годов, положительно повлияли на дискуссию о нации. Однако исторически сложившееся доминирование основных форм групповой солидарности по-прежнему определяет региональные, религиозные, языковые и культурные различия среди афганцев. Более того, в самом Афганистане разделения происходят не только по границам этнического расселения (которое часто рассредоточено), но и внутри этнических групп¹⁹. Полевые исследования показали, что самоидентификация с племенами остается важной для пуштунов в Европе, и существуют свидетельства соперничества и конкуренции между пуштунскими племенами. На основе интервью можно сделать вывод, что это характерно для пуштунов как в России, так и в других странах. Хазарейцы, которые также идентифицируют себя с конкретными племенами и различными конфессиями (шииты, сунниты, исмаилиты), напротив, склонны придавать большее значение консолидации и пренебрегать своими различиями в пользу этнической и культурной общности.

На основе проведенных интервью было выявлено, что пуштуны как в России, так и в Западной Европе часто недооценивают важность этнического вопроса в диаспоре. Представители пуштунов и других этнических групп дают диаметрально противоположные интерпретации этого конфликта – факт, который сам по себе пролонгирует конфликт. Пуштуны, участвовавшие в исследовании, склонны говорить об афганской нации как о едином целом, хотя часто занимают покровительственную позицию по отношению к другим группам.

В исследовании, проведенном в Австралии, обнаруживаются следующие наблюдения по этому поводу: когда представители австралийских властей общаются с более старшими и влиятельными пуштунскими лидерами афгано-австралийской общины, им обычно говорят, что дискуссия об афганской идентичности – это «пустяковое дело», которым занимаются лишь несколько молодых «нарушителей спокойствия» (troublemakers), которые, возможно, вообще не из Афганистана. Среди них преобладает мнение, что афгано-австралийская община уже культурно едина, хотя и подвержена различным политическим разногласиям и делению на фракции, и предпринимаются попытки подорвать это единство со стороны «горстки недовольных» (a handful of discontents). Лидеры недавно сформированной общины хазарейцев, напротив, говорят, что вопросы афганской идентичности являются глубокими вопросами (не) признания ((mis) recognition) и бюрократическое навязывание ярлыка «афганец» в Австралии является

¹⁸ Князев А.А., Гулам Н.Я. Политические контексты афганской эмиграции // *Международная аналитика*. – 2025. – Т. 16, № 2. – С. 98–117. – DOI: 10.46272/2587-8476-2025-16-2-98-117.

¹⁹ Там же.

проблематичным, поскольку отрицает существенные различия и споры между различными этническими группами Афганистана²⁰.

Очевидно, что вопрос о нации в Афганистане особенно сложен. Все респонденты выразили желание принадлежать к единой нации («Единая нация входит в число наших ценностей и требований. Нация и этническая принадлежность – это самые большие проблемы Афганистана») и, в то же время сильны сепаратистские настроения, обычно выражающиеся в ненавистнических высказываниях, взаимном недоверии и интерпретации афганской истории. «Мы привезли с собой в Европу *qawm-parasti*²¹», «Проблемы в диаспоре полностью повторяют проблемы в Афганистане», «Отношения в диаспоре становятся все хуже и мрачнее» – эти высказывания принадлежат участникам исследования в ЕС.

Межэтнический конфликт широко выражается словесно, в так называемом языке ненависти или языке вражды (перс. *بد گویی* /*bad-guyi*/), часто за спиной. Такие замечания иногда проскальзывают в разговорах, например было упомянуто, что «все плохие афганцы в Иране – пуштуны». Полевые исследования также выявили существование распространенных оскорблений, приписываемых различным этническим группам, которые были перенесены из Афганистана в Европу. Так, *muškhog* («пожиратель мышей»), *kala-khām* («сырая голова»), *gulām-bačča* («слуга») и *ghul* («монстр») были названы респондентами уничижительными псевдонимами, приписываемыми хазарейцам, узбекам, таджикам и пуштунам соответственно. Тем не менее ни один из этих псевдонимов не использовался непосредственно участниками исследования при упоминании других групп.

Среди других широко распространенных взглядов – восприятие пуштунских групп, борющихся за автономию, как «обиженных» (произносится снисходительно) и восприятие пуштунов другими группами как «некультурных», «варварских», «неграмотных» или «сельских» – что довольно парадоксально, поскольку именно пуштунская элита имела доступ к образованию, стипендиям, административным должностям и т.д. практически на каждом этапе современной истории Афганистана. Внутри диаспоры «Все таджики имеют высшее образование и стабильную работу, в то время как пуштуны выполняют черную работу», – утверждение, которое не было доказано эмпирически, но все же демонстрирует внутренние стереотипы.

Говоря о названиях, необходимо упомянуть циркулирующие в диаспоре альтернативные названия для Афганистана. Они соотносятся с физическими пространствами, которые Конрад Шеттер анализировал как этноландшафты (*ethnoscapes*): их можно описать как территориализацию

²⁰ Abraham I., Busbridge R. Afghan-Australians: Diasporic Tensions, Homeland Transformations and the “2014 Syndrome” // *Journal of Muslim Minority Affairs*. – 2014. – Vol. 34, № 3. – P. 243–258. – DOI: 10.1080/13602004.2014.946766.

²¹ В переводе с персидского: «этноцентризм».

этнической памяти и коллективную фикцию, которая связывает группу с определенным пространственным измерением²². Афганская история обычно воспринимается афганцами как нечто очень древнее, восходящее к ранней Античности. В то же время национальное государство Афганистан следует рассматривать как продукт современности, искусственно созданный лишь в конце XIX в. колониальными державами Британской Индией и Россией. До этого территория характеризовалась крайней безгосударственностью²³. Однако, люди, населявшие эти земли на протяжении веков, сформировали культурные и лингвистические области, которые в конечном итоге были включены в состав Афганистана: они известны под названиями Хорасан, Хазараджат (иногда Хазаристан) и Пуштунистан. Можно также услышать Ариана – географический термин, использовавшийся в греко-римском мире, обозначавший территорию между Центральной Азией и рекой Инд к востоку от Сасанидской империи, таким образом, описывая современный Афганистан. Ариана и Хорасан упоминаются членами диаспоры со своего рода ностальгической тоской. Можно заметить, что, хотя такие воспоминания исторически спорны, они имеют культурный резонанс.

Тем не менее очень важно отметить, что в Афганистане не существует однородных территорий и большинство городов, долин и деревень отличаются высоким этническим разнообразием, что делает этнический федерализм скорее несбыточным. В заключение этого обсуждения этноландшафтов и названий следует процитировать одного из респондентов, который сказал: «Была Ариана, был Хорасан, был Афганистан... Теперь ничего нет», – наблюдение, которое одновременно подчеркивает временный характер [любого] государства в Афганистане (и, следовательно, временное название его нации) и демонстрирует степень отчуждения некоторых членов диаспоры от де-факто правительства.

Этнические представления содержат огромный, часто неразрешимый конфликтный потенциал²⁴, однако в случае Афганистана это лишь один аспект конфликта. Очень важно понимать афганские конфликты как интерсекциональные, а не чисто этнические или чисто идеологические. «...Хотя проблема этноцентризма существует в Венеции, проблема не в пуштунах, а в талибах» – высказался один представитель хазарейской общины Италии. В то же время респонденты той же этнической группы в Вене и Берлине заявили, что «...все пуштуны поддерживают Талибан», тем самым воплощая понятие «обобщенного другого», присущего социальным идентичностям. Так или иначе, это утверждение не совсем верно, и эмпирические данные доказывают его ошибочность.

²² Schetter C. Ethnoscapes, National Territorialisation, and the Afghan War // *Geopolitics*. – 2005. – Vol. 10, № 1. – P. 50–75. – DOI: 10.1080/14650040590907712.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid.

Респондент, принадлежащий к пуштунам и имеющий особенно сильные антиталибанские взгляды и историю преследований со стороны экстремистской группировки, объясняет, что «многие пуштуны в диаспоре ошибочно считают, что талибы – это хорошо, потому что они пуштуны, и поэтому поддерживают их» – свидетельство, иллюстрирующее, что в некоторых случаях этническая и племенная идентичность действительно преобладают над сознательным политическим выбором. «Вы не увидите пуштунов, будь то либералы, коммунисты или светские, протестующих против талибов», – заверил другой респондент. Еще одно интересное свидетельство было дано о сторонниках талибов в Италии, которые, предположительно, «поголовно продают наркотики в Местре»²⁵. При отсутствии доказательств это утверждение нельзя считать достоверным, однако оно создает образ человека, поддерживающего нынешнюю де-факто администрацию Афганистана, в глазах остальных.

Говоря о символическом уровне конфликта, необходимо учитывать реальные символические образы, циркулирующие в диаспоре. Среди них первым следует упомянуть портрет Ахмада Шаха Масуда – командира моджахедов, убитого талибами в 2001 г. За борьбу против советской оккупации он считается выдающимся патриотом и талантливым командиром большинством населения. Его портрет можно увидеть в офисах, в том числе в офисе «Афганской бизнес-ассоциации» на Апраксином дворе в Санкт-Петербурге, на демонстрациях, на страницах в социальных сетях. Его день рождения и день убийства отмечаются и оплакиваются соответственно многими представителями диаспоры каждый сентябрь.

Однако звание «национального героя» подвергается критике: например, бывший президент Хамид Карзай избежал использования этого звания в своей недавней речи²⁶, хотя большинство таджиков и некоторые хазарейцы, участвовавшие в этом исследовании, бесспорно считают его таковым. В то же время пуштуны выражают либо сдержанное, либо негативное отношение к Масуду, иногда даже называя его предателем. Естественно, митинги, на которых используется его портрет и/или зелено-бело-черный флаг Северного альянса (унаследованный «Джабха-йе мокавемат-е мелли» или «Национальным фронтом сопротивления», движением, возглавляемым сыном Ахмада Шаха Масуда, – Ахмадом Масудом), вызывают антагонизм внутри диаспоры, включая критику со стороны хазарейцев.

Тем не менее, пытаясь, по крайней мере декларативно, построить альтернативное будущее Афганистана, Фронт выступает единственной более или менее популярной политической силой. Однако республиканский триколор (использовавшийся до 2021 г.) остается наиболее распространенным символом сопротивления против талибов, хотя немногие вы-

²⁵ Город вблизи Венеции.

²⁶ Deeyar. Karzai Praises Massoud's Enduring Presence in Homeland as Mark of True Respect. – 09.09.2025. – URL: <https://deeyar.tv/en/29540/> (дата обращения: 16.09.2025).

ражают подлинное уважение к бывшему правительству, обычно называемому «марионеточным», «коррупцированным», и «трусливым». Этот флаг также считается «пуштунским» и иногда называется «флагом Гани» (бывшего президента). «Флаги появлялись вместе с правительствами и уходили вместе с правительствами. До сих пор не было флага, который бы представлял народ», – высказалась активистка кызылбашского происхождения.

Как отмечает Дэниз Филлипс, политическая идентичность хазарейской диаспоры проявляется двумя способами: стремлением преодолеть прошлые травмы, чтобы начать новую жизнь на новой земле, и, наоборот, «отказом забыть» прошлые травмы²⁷. Это сообщество в значительной степени сосредоточено на распространении информации и признании массового уничтожения (نسل‌کشی /nasl-koši/, он же геноцид) хазарейцев, имевшего место в конце XIX в.²⁸ Результаты данного исследования показывают, что люди этой этнической группы демонстрируют очень высокую степень мобилизации, успешно строя новую жизнь в качестве членов принимающих обществ. Действительно, все участники этой группы упомянули получение образования, поиск работы, освоение языка принимающей страны и общую интеграцию в числе своих целей и ценностей как беженцев. В отличие от других фракций диаспоры, хазарейцы, похоже, достигли относительного консенсуса по своей политической повестке. Их нарратив о травме, культурной идентичности, и политических устремлениях к федеративному Афганистану опирается на набор символов: первый из них – сине-бело-желтый флаг Хазаристана (sic), выставляемый на мероприятиях диаспоры, особенно на коммеморациях геноцида, и таких праздниках, как Международный день солидарности хазарейцев (/ruz-e jahāni-ye hambastegi-ye hazāra/), который проходит 5 октября в разных городах, причем Вена является одним из главных центров притяжения. Данный флаг никогда не использовался официально в Афганистане и представляет собой довольно новую тенденцию последних десяти лет. Этот флаг, по сути, является продуктом диаспоры: он был предложен в 2013 г. гражданином Норвегии, журналистом и поэтом-хазарейцем Камраном Мир Хазаром сначала на его медиа-платформе, а затем на обложке сборника «Стихи для хазарейцев» – многоязычной антологии, опубликованной в США в 2014 г.²⁹

Портрет Али Абдула Мазари, лидера Партии Вахдат («Единство»), который продвигал идеи федерализма в Афганистане и был убит тали-

²⁷ Phillips D. Wounded Memory of Hazara Refugees from Afghanistan: Remembering and Forgetting Persecution // History Australia. – 2011. – Vol. 8, № 2. – P. 177–198. – DOI: 10.1080/14490854.2011.564087.

²⁸ Ibid.

²⁹ Poems for the Hazara: Poets and Readers. A Multilingual Poetry Anthology and Collaborative Poem by 125 Poets from 68 Countries // Kabul Press. – 20.07.2014. – URL: <https://www.kabulpress.org/article208344.html> (дата обращения: 17.09.2025).

бами в 1996 г., является еще одним важным символом для хазарейских общин по всему миру. Кроме того, статуи Будды в Бамиане, хотя и не являются религиозными символами для шиитов-хазарейцев, стали эмблемой их исторической укорененности в центральном Афганистане³⁰. После их уничтожения в 2001 г. хазарейцы начали использовать изображения Будды как символ своей культурной идентичности. Действительно, на плакате, возвещающем о недавнем Дне солидарности (5 октября 2025 г.), который был распространен среди членов диаспоры, можно увидеть изображение данных статуй.

Все вышеупомянутые изображения, используемые различными фракциями, являются реакцией на многолетнее структурное и физическое насилие в Афганистане. Предсказуемо, они вызывают сильное раздражение у их политических оппонентов в диаспоре.

Следует отметить, что в XXI в. конфликты продолжают существовать виртуально, что может даже привести к их автономизации в виртуальном пространстве. То есть публикации в социальных сетях, особенно на таких платформах, как Instagram³¹ или TikTok, которые позволяют коммерциализировать контент, становятся «полем битвы», которая может быть искусственно спровоцирована. Это ценное наблюдение сделал один из респондентов исследования, который указал, что контент, вызывающий гнев, часто используется для увеличения охвата аудитории и, следовательно, дохода от социальных сетей. Как далее пояснил другой респондент, любое резонансное событие или даже контент, связанный с культурой, обычно вызывает жаростные дискуссии в разделе комментариев, где персоязычные пользователи, включая таджиков, иранцев и афганцев разных этнических групп, заявляют об общем наследии как о своем собственном. Например, поэты, такие как Маулана Руми, Фирдоуси, Хафез, ученые, такие как Али ибн Сина (Авиценна), и даже традиции Новруза, Шаб-е Ялда и т.д. становятся объектами споров, что создает ежегодный цикл виртуального символического конфликта уже между самими персоязычными пользователями.

Еще один интересный пример онлайн-активности диаспоры – изображение [несуществующего] паспорта Хазаристана, появившееся в Интернете в сентябре 2025 г. Как обсуждалось выше, хазарейцы по всему миру очень сосредоточены на борьбе за признание геноцида и на продвижении идеи федерализма в Афганистане. Один из создателей контента, посвященного этнической принадлежности хазарейцев, несмотря на активное участие в хазарейской политике, опубликовал видео, в котором

³⁰ Чай в Самарканде. Истории в изгнании. Un Tè a Samarkand. Storie in Esilio // Fondazione CDEC. – 17.05.2022. – Итал. яз. – URL: https://youtu.be/c_pGrgnutnY?si=ZU8Gx77aF6Ss-nF (дата обращения: 18.06.2025).

³¹ Принадлежит компании Meta, признан экстремистской организацией и запрещен на территории Российской Федерации.

осудил это изображение как созданное именно для провокации гнева и подстрекательства к онлайн-конфликту.

Среди афганцев очень популярен контент, направленный на дискредитацию наследия друг друга, до такой степени, что создатели контента делают видео, где, например, утверждают, что на фарси в Афганистане не говорят. С юридической точки зрения верно, что фарси – это язык Ирана, а дари – язык Афганистана (один из двух официальных языков до 2021 г.). Однако говорящие на персидском языке выходцы из Афганистана, участвовавшие в этом исследовании, за очень редкими исключениями, называют свой язык фарси, в то время как дари признается лишь диалектом (گویش /guyeš/ или لجه /lahja/). По их словам, правящая элита навязала дари, чтобы отделить персоязычных афганцев от иранской культуры и литературного наследия, с которым большинство из них глубоко себя отождествляют. Это интерпретируется как стратегия, направленная на предотвращение формирования ими устойчивых союзов и обретения политической силы. Этот спор неизбежно распространяется и на физическое измерение: «Раньше в Центральной библиотеке Гамбурга было две отдельные книжные полки: одна с пометкой «фарси», а другая – «дари». Мы [она и члены ее ассоциации] убедили администрацию библиотеки объединить две полки, потому что нет [письменного] языка дари. Это фарси», – сообщила респондентка, приводя таким образом пример борьбы за признание персоязычных афганцев частью общеиранского наследия.

Социальный уровень

Проведя полевое исследование в Германии и Великобритании, К. Фишер отмечает, что «связи часто сильнее между членами одной семьи и/или этнической группы, даже если они живут в разных европейских странах, при этом “афганская идентичность” не является специфическим организующим фактором в диаспоре»³². Исследовательница утверждает, что «воображаемое афганское сообщество» не мобилизуется таким же образом, как субдиаспорные группы³³. Эмпирические данные подтверждают это наблюдение.

Ниже приводятся иллюстрации, как негативный мир между конфликтующими группами в диаспоре также является формой транспортировки конфликта и как предполагаемое «воображаемое афганское сообщество» воображается и переживается на практике.

Большинство афганцев за рубежом не знакомы с термином «диаспора» и поэтому не используют его. Вместо него используются такие

³² Fischer C. Imagined Communities? Relations of Social Identities and Social Organisation among Afghan Diaspora Groups in Germany and the UK // Journal of Intercultural Studies. – 2017. – Vol. 38, № 1. – P. 18–35. – DOI: 10.1080/07256868.2017.1289901.

³³ Ibid.

описательные характеристики, как «афганцы, проживающие в Европе», «афганцы за пределами родины» или просто «мигранты». Активные члены диаспоры объясняют, что греческий термин набирает популярность только в последние два-три года. «Мы скорбим о нашей ситуации, но мы не называем себя диаспорой», – комментирует один из респондентов. «Диаспора – это люди, пережившие трагедию и никогда не перестающие думать о своей родине. В этом смысле мы – диаспора», – продолжил он.

Большинство респондентов, не занимающихся активизмом, не были знакомы с этим понятием на момент интервью. Это открытие привело к гипотезе, что, учитывая перформативную силу языка, афганские мигранты в Европе не воспринимают себя как членов общего (воображаемого) сообщества. Это отчасти верно, учитывая высокую степень отчуждения между группами, однако респонденты исследования продемонстрировали активное участие в транснациональных сетях и осознание своей рассеянности по всему миру – то, что можно назвать диаспорой.

Тем не менее хочется согласиться с К. Фишер в наблюдении, что, хотя каждая этническая группа имеет прочные связи со своими соотечественниками в других странах, сама по себе принадлежность к условной афганской нации побуждает к активному сотрудничеству лишь изредка.

Члены диаспоры отмечают, что европейские города обычно ассоциируются с определенной этнической группой. Так, в Гамбурге преобладают таджики, в Лондоне, Антверпене, Брюсселе – пуштуны, в Вене и Мюнхене – хазарейцы. Исследования в России показывают, что в двух крупнейших городах – Москве и Санкт-Петербурге – проживает примерно равное количество пуштунов и таджиков. Такое распределение обусловлено несколькими факторами. На примере России можно заметить, что афганцы, поселившиеся в постсоветских странах, – это те, кто-либо учился там, либо работал в правительстве во время правления НДПА. Как и следовало ожидать, стипендии и высокопоставленные должности предоставлялись почти исключительно пуштунам и таджикам, которые сейчас составляют большинство в диаспоре в России. Аналогично первые волны политической миграции из Афганистана в Западную Европу и США состояли из людей с прочными социальными связями. Возможности миграции в Европу хазарейцев, лишенных таких связей, были ограничены. Только благодаря политике в отношении беженцев, принятой в 2015 г., а затем снова в 2021 г., мигранты этой этнической группы в большом количестве прибыли в ЕС, изменив состав городов. Между тем история афганцев в Гамбурге, где проживает самое многочисленное афганское население в Европе, связана с деловыми сетями, которые были созданы задолго до 1978 г.³⁴

³⁴ Fischer C. Afghan Migration to Germany: History and Current Debates // Federal Agency for Civic Education. – 2023. – URL: <https://www.bpb.de/themen/migration-integration/regionalpro->

Изучение состава крупных центров диаспоры и их истории позволяет увидеть пространственное измерение социальной отчужденности. Респонденты отмечают, что, несмотря на относительно мирные отношения, различные фракции поддерживают дистанцию друг от друга. Диаспора демонстрирует, как конфликт воспроизводится на социальном уровне из поколения в поколение. Согласно исследованиям Риттера и Нильсена, проведенным в Дании, этнические, политические и религиозные разногласия в Афганистане, будь то между пуштунами, таджиками и хазарейцами, или между коммунистами, моджахедами и сторонниками талибов, вновь проявляются в интимной сфере семейной жизни. Брак становится центральной ареной, где эти унаследованные противоречия вновь выходят на поверхность, поскольку молодым афганцам приходится преодолевать последствия войны, заложенные в опыте их родителей. Эта динамика обозначена авторами как «призраки прошлого»³⁵, посредством которых травмы первого поколения продолжают формировать стремления, ориентиры и аргументацию молодого поколения диаспоры в выборе партнера.

В то же время, согласно их исследованию, афганские беженцы и их потомки используют стратегии «повседневной дипломатии»³⁶ для противодействия таким разделением. Респонденты нашего исследования заявили, что смешанные браки, безусловно, существуют в диаспоре. Однако, в качестве примечания, стоит отметить, что среди респондентов в возрасте от 20 до 40 лет почти все были не женаты / не замужем.

Еще одним аспектом социальной сегрегации являются праздники. Десятки интервью в разных странах показывают, что нет ни одного события, которое все фракции афганского общества сочли бы национальным праздником. Даже самый широко признанный праздник, Новруз, оспаривается последователями радикального ислама и считается *такфиром*, т.е. отступничеством. Когда члены диаспоры отмечают Новруз, они часто делают это сегрегированно, даже в небольшом сообществе, таком как Венеция³⁷. Более того, в то время как многие таджики воспринимают День независимости, отмечаемый 19 августа, как исключительно пуштунский праздник, хазарейцы даже отрицают сам факт независимости Афганистана.

В целом, как отмечает К. Фишер, людям, по-видимому, легче коллективно идентифицировать себя с афганской культурой или теми сторо-

file/english-version-country-profiles/288934/afghan-migration-to-germany-history-and-current-debates/ (дата обращения: 13.08.2025).

³⁵ Rytter M., Nielsen A.G. Marriage in the Ruins of War: Intergenerational Hauntings in the Afghan Diaspora // *Ethnicities*. – 2020. – Vol. 20, № 5. – P. 983–1002. – DOI: 10.1177/1468796820907899.

³⁶ Ibid.

³⁷ По нашим подсчетам, в Венеции проживает не более полусотни афганцев.

нами Афганистана, которые не стали жертвами политизации и антагонистических претензий, такими как искусство, музыка, кухня и т.д.³⁸

Случаи сотрудничества между различными фракциями также возникают в ответ на события национального значения, например митинг, состоявшийся в Вене перед штаб-квартирой ООН, объединил афганцев с противоположными взглядами для выражения своего протеста³⁹. Мобилизуя более широкие категории идентичности, такие как «уроженец Афганистана», «беженец» или «мусульманин», члены диаспоры пытаются установить общие основы принадлежности, которые выходят за рамки этнополитических антагонизмов. Однако эти примирительные усилия остаются хрупкими: такие события, как вспышки насилия в Афганистане или убийство Фархунды Маликзады в Кабуле, могут дестабилизировать хрупкое чувство единства (молодую женщину ложно обвинили в сожжении Корана, а затем линчевали толпой)⁴⁰. Этот эпизод – один из многих, пробуждающих конфликт между группами, одна из которых, по убеждению членов диаспоры, прочно связана с радикально-исламскими наклонностями.

Учитывая все вышесказанное, можно сделать следующий вывод: члены диаспоры в различной степени ощущают влияние конфликта на их жизнь вдали от родины, и группы, наиболее обездоленные и подвергаемые как структурному, так и физическому насилию в Афганистане, сообщают о большем значении этих конфликтов, нежели те, кто пользуются привилегиями в родной стране. Получив полные гражданские права за пределами Афганистана (в частности, в странах Запада), первые также получили ресурсы и уверенность для широкого признания их виктимности⁴¹, в то время как те, кто исторически был более привилегированным, обычно игнорируют или даже отрицают проблематику.

Напоследок о религиозной жизни диаспоры. Многие участники исследования отметили, что радикальные исламистские идеологии распространены в диаспоре (также называемые ими «новой религией» или ваххабизмом), представленные как сторонниками Талибана, так и ИГ⁴² и

³⁸ Fischer C. Imagined Communities? Relations of Social Identities and Social Organisation among Afghan Diaspora Groups in Germany and the UK // *Journal of Intercultural Studies*. – 2017. – Vol. 38, № 1. – P. 18–35. – DOI: 10.1080/07256868.2017.1289901.

³⁹ Afghan Diaspora in Vienna Rallies Against Deportations from Iran // *Afghan Diaspora Network*. – 28.07.2025. – URL: <https://afghandiaspora.org/2025/07/28/afghan-diaspora-in-vienna-rallies-against-deportations-from-iran/> (дата обращения: 18.09.2025).

⁴⁰ Family of Afghan woman lynched by mob demands justice // *Al Jazeera*. – 02.04.2015. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2015/4/2/family-of-afghan-woman-lynched-by-mob-demands-justice> (дата обращения: 15.09.2025).

⁴¹ Новикова О.Н. Афганцы в Европе: от виктимности к активизму? // *Современная Европа*. – 2025. – № 1 (129). – С. 164–174. – DOI: 10.31857/S0201708325010139.

⁴² Организация признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

реализуемые через такие институции, как мечеть Ибрахима Халила в Гамбурге, Германия, в которой, по сведениям респондентов, происходит идеологическая подготовка кадров для соответствующих группировок. В противовес существуют и более «либеральные» (sic) мечети, служащие центрами организации также светской жизни общины, например предлагая кружки по изучению персидского языка для детей. А.А. Князев отмечает: «Во многих странах с крупными афганскими диаспорами существуют отдельно не только шиитские хазарейские мечети, но и пуштунские мечети, таджикские мечети, узбекские мечети и т.д. Формальное взаимодействие между этнически различными эмигрантскими афганскими группами происходит разве что в рамках мероприятий, организуемых посольствами Афганистана»⁴³.

Что касается традиционного антагонизма сунниты – шииты, по свидетельству участников исследования, эти противоречия не имеют значения в жизни диаспоры. Целесообразно предположить, что основу диаспоры в западных государствах в силу тех или иных причин составляют именно люди более светских взглядов, которым близок европейский образ жизни и для которых конфессиональная принадлежность соотечественников не играет роли.

* * *

Й. Деммерс отмечает, что конфликты, в которых идентичность играет центральную роль, получили широкое распространение в XX в. Современные войны порождают диаспоры именно потому, что большинство из них носят внутригосударственный характер, приводя к многочисленным жертвам среди гражданского населения в собственных общинах и вынуждая большое количество людей одновременно бежать. Для этих мигрантов интеграция в принимающие общества часто оказывается чрезвычайно сложной, что, в свою очередь, усиливает их склонность оставаться озабоченными нерешенными проблемами стран исхода⁴⁴. В этой связи афганский случай следует рассматривать как часть этой более широкой глобальной тенденции.

Проблема транспортировки конфликта была изучена в афганских общинах в России, Италии, Австрии и Германии, а основным методом сбора данных были полуструктурированные интервью (всего 37). На основе двух периодов полевых исследований и обширного привлечения существующих публикаций, в данной статье исследовались примеры транспорта-

⁴³ Князев А.А. Афганская идентичность: перспективы дефрагментации // Международная аналитика. – 2024. – Т. 15, № 1. – С. 210–218. – DOI: 10.46272/2587-8476-2024-15-1-210-218.

⁴⁴ Demmers J. Diaspora and Conflict: Locality, Long-Distance Nationalism, and Delocalisation of Conflict Dynamics // Javnost – The Public. – 2002. – Vol. 9, № 1. – P. 85–96. – DOI: 10.1080/13183222.2002.11008795.

ции конфликта в афганской диаспоре, в том числе за пределами Европейского континента. Собранные данные представляются достаточными для демонстрации того, что конфликты на родине продолжают влиять на жизнь диаспоры даже спустя десятилетия после исхода. Диаспору, которая фактически создает реплику самого Афганистана в каждой стране пребывания, можно описать как кластер конфликтующих конфигураций.

В связи с высокой степенью фрагментированности и эндогамии различных групп внутри диаспоры, ставится вопрос о целесообразности использования термина «диаспора» в отношении совокупности выходцев из Афганистана. Напротив, как было продемонстрировано в статье, на практике речь скорее идет о «диаспорах»: среди них выделяются в первую очередь пуштунская и хазарейская, а также пуштунская и персоязычная диаспоры, так как язык воспринимается членами общин как первейший фактор объединения, зачастую сближающий последних с выходцами из Ирана и Таджикистана больше, чем с соотечественниками пуштунского этноса. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что политическое соперничество между сторонниками НДПА и моджахедами, хотя и все еще присутствует в памяти первого поколения мигрантов и передается их детям, постепенно угасает. Конфессиональные разногласия между суннитами и шиитами также незначительны в диаспоре. Конфликты, которые воспроизводятся в диаспоре, происходят между этническими группами и между приверженцами различных взглядов на радикальную исламистскую идеологию, воплощенную в том числе в доктрине талибов, как нынешней де-факто государственной идеологии.

Как предполагает Э. Ферон, конфликты на родине переносятся в принимающие страны на трех уровнях: символическом, социальном и иногда физическом. Было показано, что члены афганской диаспоры ежедневно переживают привезенные с собой конфликты на первых двух уровнях, включая антогонизирующие дискурсы, словесные оскорбления, псевдонимы, демонстрацию разделительных образов, таких как флаги, а также высокий уровень сегрегации в пространственном измерении, где афганская национальность практически не служит объединяющим фактором. Наиболее примечательной иллюстрацией этой динамики является дискуссия об «афганской» национальности – названии, которое отвергают многие, предпочитая называться «афганистанцами».

Принимающим обществам, властям и политикам следует воспринимать сообщество мигрантов из Афганистана соответственно их внутренней неоднородности и структуре, что включает разные ценности, цели, жизненные траектории и риски радикализации, и проводить политику в отношении данной группы соответственным образом.

Список источников и литературы

1. Афганистан предложил России привлекать трудовых мигрантов // РИА Новости. – 28.11.2025. – URL: <https://ria.ru/20251128/afghanistan-2058234344.html> (дата обращения: 02.01.2026).
2. Князев А.А. Афганская идентичность: перспективы дефрагментации // Международная аналитика. – 2024. – Т. 15, № 1. – С. 210–218. – DOI: 10.46272/2587-8476-2024-15-1-210-218.
3. Князев А.А., Гулам Н.Я. Политические контексты афганской эмиграции // Международная аналитика. – 2025. – Т. 16, № 2. – С. 98–117. – DOI: 10.46272/2587-8476-2025-16-2-98-117.
4. Миротворчество: «негативный» и «позитивный» мир // Новый дипломатический словарь. – 29.11.2024. – URL: <http://diplomaticdictionary.com/dictionary> (дата обращения: 02.01.2026).
5. Новикова О.Н. Афганцы в Европе: от виктимности к активизму? // Современная Европа. – 2025. – № 1 (129). – С. 164–174. – DOI: 10.31857/S0201708325010139.
6. Abraham I., Busbridge R. Afghan-Australians: Diasporic Tensions, Homeland Transformations and the “2014 Syndrome” // Journal of Muslim Minority Affairs. – 2014. – Vol. 34, № 3. – P. 243–258. – DOI: 10.1080/13602004.2014.946766.
7. Afghan Diaspora in Vienna Rallies Against Deportations from Iran // Afghan Diaspora Network. – 28.07.2025. – URL: <https://afghandiaspora.org/2025/07/28/afghan-diaspora-in-vienna-rallies-against-deportations-from-iran/> (дата обращения: 18.09.2025).
8. Constitution of the Islamic Republic of Afghanistan // Consulate General of the Islamic Republic of Afghanistan. – 2004. – URL: <https://www.afghanconsulate-muc.de/constitution/> (дата обращения: 15.09.2025).
9. Deeyar. Karzai Praises Massoud’s Enduring Presence in Homeland as Mark of True Respect. – 09.09.2025. – URL: <https://deeyar.tv/en/29540/> (дата обращения: 16.09.2025).
10. Demmers J. Diaspora and Conflict: Locality, Long-Distance Nationalism, and De-localisation of Conflict Dynamics // Javnost – The Public. – 2002. – Vol. 9, № 1. – P. 85–96. – DOI: 10.1080/13183222.2002.11008795.
11. Family of Afghan woman lynched by mob demands justice // Al Jazeera. – 02.04.2015. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2015/4/2/family-of-afghan-woman-lynched-by-mob-demands-justice> (дата обращения: 15.09.2025).
12. Féron É. Transporting and Re-Inventing Conflicts: Conflict-Generated Diasporas and Conflict Autonomisation // Cooperation and Conflict. – 2016. – Vol. 52, № 3. – P. 360–376. – DOI: 10.1177/0010836716678050.
13. Féron É., Baser B. Diasporas and Transportation of Homeland Conflicts: Inter-group Dynamics and Host-Country Responses // Ethnopolitics. – 2023. – Vol. 22, № 4. – P. 375–383. – DOI: 10.1080/17449057.2023.2241231.
14. Fischer C. Afghan Migration to Germany: History and Current Debates // Federal Agency for Civic Education. – 2023. – URL: <https://www.bpb.de/themen/migra->

- tion-integration/regionalprofile/english-version-country-profiles/288934/afghan-migration-to-germany-history-and-current-debates/ (дата обращения: 13.08.2025).
15. Fischer C. Imagined Communities? Relations of Social Identities and Social Organisation among Afghan Diaspora Groups in Germany and the UK // *Journal of Intercultural Studies*. – 2017. – Vol. 38, № 1. – P. 18–35. – DOI: 10.1080/07256868.2017.1289901.
 16. Gayer L. The Volatility of the “Other”: Identity Formation and Social Interaction in Diasporic Environments // *South Asia Multidisciplinary Academic Journal*. – 2007. – Vol. 1. – DOI: 10.4000/samaj.36.
 17. Najibullah H. Fractured Bonds, Dithering Identities: Afghan-Swiss Diaspora Conflict Narratives // *Diaspora Studies*. – 2022. – Vol. 24. – P. 163–180. – DOI: 10.5167/uzh-238154.
 18. Phillips D. Wounded Memory of Hazara Refugees from Afghanistan: Remembering and Forgetting Persecution // *History Australia*. – 2011. – Vol. 8, № 2. – P. 177–198. – DOI: 10.1080/14490854.2011.564087.
 19. Poems for the Hazara: Poets and Readers. A Multilingual Poetry Anthology and Collaborative Poem by 125 Poets from 68 Countries // *Kabul Press*. – 20.07.2014. – URL: <https://www.kabulpress.org/article208344.html> (дата обращения: 17.09.2025).
 20. Post-Return Monitoring Survey Report. UNHCR Afghanistan. December 2025 // *United Nations High Commissioner for Refugees*. – 2025. – URL: <https://data.unhcr.org/en/documents/details/112147> (дата обращения: 02.01.2026).
 21. Rytter M., Nielsen A.G. Marriage in the Ruins of War: Intergenerational Hauntings in the Afghan Diaspora // *Ethnicities*. – 2020. – Vol. 20, № 5. – P. 983–1002. – DOI: 10.1177/1468796820907899.
 22. Safi A.A., Czaika M. The Transnational Engagement of Afghan Diaspora Organizations: Drivers of Diaspora Specialization // *Global Networks*. – 2025. – Vol. 25, № 1. – P. 1–17. – DOI: 10.1111/glob.12484.
 23. Schetter C. Ethnoscapes, National Territorialisation, and the Afghan War // *Geopolitics*. – 2005. – Vol. 10, № 1. – P. 50–75. – DOI: 10.1080/14650040590907712.
 24. Tajfel H., Turner J.C. An integrative theory of intergroup conflict // *The social psychology of intergroup relations* / ed. by W.G. Austin, S. Worchel. – Monterey (CA): Brooks/Cole, 1979. – P. 33–47.
 25. Чай в Самарканде. Истории в изгнании. Un Tè a Samarkand. Storie in Esilio // *Fondazione CDEC*. – 17.05.2022. – Итал. яз. – URL: https://youtu.be/c_pGrgnutnY?si=ZU8Gx77aF6Ss-nF (дата обращения: 18.06.2025).